

Диана КАН

Диана Елисеевна Кан – известная российская поэтесса, автор книг «Високосная весна», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Покуда говорю я о любви», «Звёзды окликающая» и др. А также множества публикаций в центральных и региональных изданиях России. Член редколлегий литературно-художественных журналов России: «Подъём» (Воронеж), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Арина» (Нижний Новгород), «Волга-21 век» (Саратов), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Парус» (Москва) и др. Член Союза писателей России. Живёт в Оренбурге.

«Я слыла капризною русалкой...»

Самару в Оренбурге помнят чаще,
Чем Оренбург в Самаре, ну так что ж?
И там, и тут я прослыла пропащей.
То и другое – истина и ложь.

Но этой самой истинною ложью
Спасается подлунный грешный мир,
Где дураки похлеще бездорожий,
Чумы похлеще хлебосольный пир.

Ни в Бога и ни в чёрта не поверю,
Когда уже который век и год
Чумных пиров польное похмелье
И порохом, и кровью отдаёт.

Здесь прослыла я чумовой заразой,
Отнюдь не ради красного слова
Клеймя навзрыд рифмованною фразой
Подонка, графомана, подлеца.

Текут века, а мне и горя мало.
Степным простором допьяна упьюсь...
... Здесь, в междуречье Волги и Урала,
Моим стихом заговорила Русь.

Уральская печальная прибулда,
Самарская лукавая змея...
Как жаль, что я давно не верю в чудо,
Ведь надо верить – чёрт возьми! – в себя!

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи прибудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились –
Их сорвать хотела –
да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаясь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

Пусть вы не торжество добра и света,
Как ни крути, вас не любить нельзя –
Сценичные циничные поэты.
Заклятые самарские друзья.

Ведь я была одной из вас когда-то.
Хотела б откреститься, да никак!
Разбойные запойные ребята,
Отечеством считавшие кабак.

Рассадин, Чепурных,
Олег Портнягин...
Ах да, Сиротин! Как забыла я!
Немало вы испортили бумаги...
...И Семичев – особая статья.

Немало вы кровей моих попили
Вприхлёб с самарским пивом «Жигули».
Немало, как княжну, меня топили,
Но утопить в итоге не смог!

Не утонула, породнилась с Волгой...
Она во мне свою признала дочь.
И с той поры – увы и слава Богу! –
Ни помешать нельзя мне, ни помочь.

И разве я могла в вас не влюбиться,
Как ни крутили пальцем у виска,
Когда взлетали стрАнницы-стрАнИцы
И строфы-катастрофы в облака?

Когда, презрев досужие приметы
И больше не желая быть, как все,
И я взлетала с ними против ветра
По этой чёрной взлётной полосе?..

Эх, не его, не пито, не курено,
Не целовано девок взасос!..
Знать, в деревню Большое Никулино
Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены –
Ни сказать, ни пером описать!
Николаевна свет Нидвораевна
За околицу вышла встречать.

Распростёртыми встрела проклятьями:
«Нет креста на вас, скройтесь с глаз!..»
И – привычное, право, занятие! –
Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
Ветер воли пьянит, как нектар.
Для кого же ворота отворены,
Стол накрыт, и кипит самовар?

Гость незванный получше татарина!..
Для кого же, незваного в дом,
Банька топлена, липа заварена,
И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
Ну несколько не верится мне,
В то, что здесь не для нас красны девицы,
Словно маковый цвет, по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
Пусть у нас ни кола, ни двора...
Полыхает закатное зарево –
Приюти дураков до утра!

Редька-триха и редька-ломтиха,
Редька с мёдом и редька так...
Как бы ни было, братцы, лихо,
Никакой нам не страшен враг!

Не впервой нам врагов увечить.
Не единожды в том помог,
По усам утекая в вечность,
Не попавший в роток медок.

Редька с маслом и редька с квасом,
И с хреновиной редька – ах!
... Пьёт шампанское с ананасом
Респектабельный олигарх.

Пусть погасит свою улыбку,
Недоделанный супермен,
Ободравший страну, как липку,
А на нас положивший хрен.

Гадом буду – не позабуду
Голливудский его оскал...

Но у нас тут не голливуды!..
Рот захлопни – я всё сказал!

Щелчком смахнула пепел с папиросы.
Заметила: «Тебя, наверно, ждут!..»
И разом улетели все вопросы,
Как дым,
в невозмутимый абсолют.

Прихваченные отчуждённой стужей,
Они теперь летят за облака –
Вопросы, что испепелили душу,
Но так и не слетели с языка.

Болтаете о чём-то несерьёзном,
Ведь надо же о чём-то говорить.
И ты вдруг понимаешь –
слишком поздно
Пытаться что-то в жизни изменить.

Да, ты любил. Но был ли ты любимым?..
Ты вовремя его не произнёс
Сегодня улетевший вместе с дымом
Всего один-единственный вопрос.

Что ж, ты не сотворил себе кумира.
Ты победил...
Гляди издалека,
Как, абсолютно безучастны к миру,
Дымятся над землёю облака

Здесь ещё чужая. Там уже чужая.
Полно!.. То потеря в жизни небольшая.
Ну-ка, ногу в стремя,
в руки – удила.
Отродясь насильно милой не была.

Покури в сторонке, разлюбезный враг!
Бьёт копытом звонким звёздный аргамак.
И течёт дорога аж до самых звёзд
Вдоль реки Молога через млечный мост.

... И смотрят последние астры в саду,
На то, как топиться жожу я к пруду...
Диана Кан (из первой книги)

Заживём в кувшинковом раю,
Милый мальчик, всем другим на зависть...
...Бедный мальчик, баюшки-баю,
Я в реке живу, а не купаюсь...
Диана Кан (из второй книги)

В полуденном солнце сверкнув чешуёю,
Прощаюсь, прощаюсь,
прощаюсь с тобою...
Диана Кан (из третьей книги)

О себе, о любви, о России
Мне расскажет русалка моя...
Евгений Семичев

Волгой, Волгой, а потом Мологой.
Из Мологи напрямиком в Китьму...
Я слыла когда-то недотрогой –
Чушь, непостижимая уму.

Я слыла капризною русалкой,
Искусив блаженством и бедой
Невзначай поймавших на рыбалке
Ту, что назовут своей судьбой.

Все они вели себя, как дети.
Волокли русалку под венец.
Для добычи расставляли сети
И – добычей стали наконец!

Ох, жена – не сыщешь расчудесней! –
Разменяла жизнь на ерунду.
Всё поёт неведомые песни
Да топиться бегаёт к пруду.

Всякая лягуха ей – царевна.
Всякий лотос –
чуть ли не жених!..
Ну, а ты живи себе, как евнух!
Али не смирился, не привык?

...Не смирились и не привыкали,
Становясь угрюмой и грустней...
И глаза их,
полные печали,
Не забыть мне до скончания дней.

Как с женой-русалкой ночи долги!..
В полнолуние не смыкая глаз
«Шла бы вниз по матушке, по Волге!» –
Думали, болезные, не раз.

Волжский взгляд русалий с поволокой
Тоже манит по теченью плыть...
Ведь к первоначальному истоку
Ничего уже не возратить!

Почему же супротив теченья
Плыть извечно я обречена?..
Реки, речки, реченьки, реченья...
Не упомяну ваши имена!

... Волгой, Волгой, а потом Мологой...
Да не всё ль равно, куда идти,
Если сам к себе придёшь в итоге?..
А другого, видно, нет пути.

...В конце письма поставить «Vale...»
ПУШКИН

В конце письма поставил: «Vale...».
Ох, Валентина! Ох, змея!
Ведь он писал ко мне вначале,
В его душе царила я.

Расставшись вроде с Терпсихорой,
А также много с кем ещё,
Дианы грудь ланитам Флоры
Он благосклонно предпочёл.

Но как винить его за это?..
Своей не чувствуя вины,
Так все великие поэты
Всегда в кого-то влюблены!

Не помышляя об измене,
Презрев душевный уют,
Они влюбляются мгновенно
И за любовь на смерть идут.

Идут... За ними не угнаться.
Они – заложники любви.
Нет, обойдусь-ка без нотаций,
Скажу с улыбкой: «Отвали!»

Вали-вали к змеище Вальке.
In vino veritas, не трус!
Переживу свои печальки,
Да и латыни подучусь.